

что у нее есть сказать. Никого нельзя заочно судить!» Дородину позвали, она появилась перед царем, и тут Соломон засмеялся: «Вот уж точно, это сестра Маркольфа». Была Дородина приземистая и толстая, а от беременности еще толще казалась, из-за задницы и ног было не видно, лицом, глазами и сложением — всем она напоминала Маркольфа. Тут Соломон и говорит: «Скажи, чего ты требуешь от сестры своей». Маркольф встал и сказал во всеуслышание: «Открыто заявляю, о царь, перед тобою, что сестра моя стала блудницей, и понесла, как сами видите, и обесчестила все мое семейство, и к тому же она желает заполучить долю моего наследства. Посему молю, чтобы ты осудил ее, и она лишилась доли в наследстве». Услышав подобное, Дородина разозлилась и заорала во всю глотку: «Негодник! Почему это я не должна получить своей доли наследства? Разве я, как и ты, не появилась на свет благодаря Морколю?» Маркольф ответил: «Не получишь наследства, потому что твои преступления — это твой приговор». Дородина на это ответила: «Не сотворила я себе приговора, ибо если и грешила, исправлюсь. Но клянусь Богом и Его благами, если не оставишь меня, я расскажу такое, за что царь тебя повесит». Маркольф: «Жалкая блудница, что ты скажешь? Я ни перед кем не грешен». А Дородина ему: «Ты-то много грешил, ибо собираешься убить моего царя-повелителя. И если мне не верите, то поищите нож у него под одеждами». Приближенные стали искать нож и ничего не нашли, и тут Маркольф сказал: «Разве не правду говорил я, царь: ни в чем женщинам нет веры». Всех разобрал смех, а царь Соломон говорит: «Хитростью ты всего добился, Маркольф». Маркольф: «Не хитростью: ведь она во всеуслышание рассказала об обмане, которым я с ней поделился. А вот ее деяния — они взаправду». Соломон: «Но ты еще утверждал, что природа превозмогает воспитание». Маркольф: «Погоди немного, я тебе это докажу прежде, чем ты отправишься спать».

Прошел день, настал час трапезы, и Соломон вместе со всеми своими приближенными сел за стол. Маркольф, сев вместе с остальными, спрятал у себя в рукаве трех землероек. А был во дворце Соломона кот, выдрессированный так, что на протяжении всей ночной трапезы он на глазах у всех держал свечу двумя передними лапами, а сам стоял на двух задних. Все трапезничали, как и полагается, и тут Маркольф выпустил одну из землероек. Кот увидел добычу и захотел побежать ей вслед, но остановился из-за царского неодобрения. Со второй землеройкой произошло то же самое, и тут Маркольф выпустил третью. Кот ее увидел, свечу в сторону отбросил, побежал за землеройкой и поймал ее. Маркольф увидел это и сказал царю: «Вот, царь, на твоих глазах я доказал, что природа превозмогает воспитание». На это царь Соломон сказал, слугам своим: «Уберите его с глаз моих, а если еще появится, спустите на него всех собак». А Маркольф отвечал: «Вот теперь точно могу сказать, дурной это двор, ибо нет здесь справедливости». Выгнанный Маркольф стал рассуждать про себя: «Ни мытьем, ни катанием мудрый Соломон от плута Маркольфа покоя не добьется!»

На следующий день Маркольф поднялся со своей постели и стал размышлять, как бы ему попасть на двор к царю, да так, чтобы и собаки не тронули. Пошел, поймал живого зайца, спрятал его у себя под одеждой и возвратился ко двору. Слуги Соломона, едва завидев его, спустили царских собак. Маркольф же выпустил зайца. И собаки тут же оставили Маркольфа, погнавшись за зверьком. Вот так Маркольф предстал перед царем. Царь, увидев его, спросил: «Кто же впустил тебя?» Маркольф: «Хитрость, никак уж не милосердие!»

Соломон сказал: «Смотри, не плюй сегодня никуда, кроме как на голую землю». Но все плиты во дворце были застелены покрывалами, а стены драпированы завесами. А у Маркольфа был сильный кашель и во время разговора горло першило — и тут он увидел, что перед царем стоит один лысый. От превеликой нужды, а никакой голой земли, куда сплюнуть, поблизости не было видно, он собрал всю слюну, какую мог, во рту и выплюнул ее на лоб лысого. Лысый тут же от стыда вытер свой лоб, бросился к ногам царя и пожаловался на Маркольфа. Царь спросил Маркольфа: «За чем ты испачкал лоб этого человека?» Маркольф: «Не испачкал, а удобрил. Ведь неплодородную землю унаваживают для того, чтобы на ней лучше росли хлеба». Соломон: «И при чем здесь этот лысый?» Маркольф: «Разве ты не повелел мне сегодня плевать на голую землю? Я увидел, что его лоб гол, подумал, что это голая земля и плюнул на нее. Уж точно, не на что тут гневаться, ведь я совершил это пользы ради. Коли лоб частенько увлажняли подобным образом, так и волосы выросли бы». Соломон: «Бог тебе не поможет! Разве лысые не честнее всех прочих? Лысина это не порок, а признак благородства». Маркольф: «Скажу иначе, лысина — обман для мух. Посмотри, царь, мухи роятся над